

# Диканька

Н. Лернер

Имение Диканька Полтавской губ. и уезда принадлежит уже с XVII в. роду Кочубеев.

Не сохранилось, к сожалению, точных данных, на каком месте была построена первоначальная усадьба — на том ли, где теперь выстроен новый дом. Большинство других построек усадьбы возведены в начале XIX столетия.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» получили свое название, понятно, от этой же усадьбы и села. Село почти рядом с усадьбой, только перейти через гору, и в этом селе до сих пор сохранилась старинная каменная церковь, которую описывал Гоголь в своей «Ночи перед рождеством». Именно ее расписывал кузнец Вакула и в ней же казачки в притворе показывали детям намалеванного черта — «яка кака намалевана»...

Усадьба Гоголя граничит с Диканькой. Н. В. Гоголь постоянно бывал в Диканьке, состоя в самых дружеских отношениях с семьею Кочубеев. Диканька, как и ряд других русских усадеб, в то время была маленьким культурным центром, куда привлекало не только Гоголя, но и других писателей и интересных людей той эпохи. К сожалению, дом в усадьбе Гоголя, тот старый деревянный небольшой дом, в котором жил Н. В., недавно сломан.

Диканька — «гоголевские места», «Гоголевщина». Здесь великий писатель испытал первые впечатления, навезаемые природой, узнал язык и душу народа. В двадцати пяти верстах от Диканьки находится родовое имение Гоголей — Яновщина (Васильевка), где протекло детство писателя, но родной для него была и Диканька. Перед чтимым во всей округе образом Николая Чудотворца в Диканьской Николаевской церкви, стоящей в величавом, старом дубовом лесу, Мария Ивановна Гоголь молила Бога послать ей сына и дала обет назвать его

Николаем. Сюда и впоследствии часто приезжали яновщинские паны на богомолье, иногда «по усердию» совершали путь «апостольскими стопами». Обаяние святыни сливалось с обаянием природы и поддерживало то высокое духовное настроение, которое отличало семью, давшую миру Гоголя...

Яновщинский помещичий дом, в котором прошли детские годы Гоголя, потолки и стены которого он сам впоследствии расписывал, уже не существует, и вся гоголевская усадьба распланирована по-новому, исчез и тенистый старый сад, но в Диканьке любящая заботливость и богатство Кочубеев сохранили все, как было в оные дни, и цветут и шелестят могучие дубы, под которыми когда-то бегал маленький Никоша Гоголь.

Пушкин воспел их в «Полтаве»:

Цветет в Диканьке древний ряд  
Дубов, друзьями насажденных,—  
Они о праотцах казненных  
Доселе внукам говорят...

Эти «друзья», «праотцы» — генеральный войсковой писарь Василий Леонтьевич Кочубей и его родственник полковник Искра, обличители Мазепы. Не будем разбираться в подробностях слишком общеизвестной исторической и романтической трагедии, которая связана с этими именами. Все в Диканьке говорит о безвинно погибшем страдальце Кочубее, о коварном изменнике Мазепе, о несчастной Матрене Васильевне — опозитизированной легендой Марии. До сих пор показывают в Диканьке «Мазепин дуб», почти пяти сажен в обхвате, — под ним будто бы происходили свидания Матрены с гетманом, хотя место действия романа почти с полной уверенностью можно ограничить Батурином, гетманскою столицей. Неподалеку от Диканьки, в Старых Будищах, в женском

монастыре, ныне не существующем, говорят, кончила свои дни Матрена Васильевна, в иночестве Ефросиния, но и это предание ничем не подтверждается. Как величайшая родовая святыня, хранится в диканьском помещицком доме сорочка В. Л. Кочубея; там же — ряд реликвий эпохи Петра Великого и шведской кампании и большая библиотека, богатая рукописями и книжными редкостями.

Прекрасна тамошняя природа, и славится красотой население. В конце шестидесятых годов Диканьку посетил покойный историк южной России А. И. Маркевич. «Я восхищался, — рассказывает он в одной заметке о князе В. П. Кочубее, — красотой местности, но не мог не обратить внимания и на красоту диканьских крестьян, как мужчин, так и женщин; даже старики и старухи отличались стройностью фигур и, пожалуй, своеобразной красотой. Когда я сообщил о своем наблюдении управляющему, тот объяснил мне, что, по преданию, покойный князь, любя Диканьку и часто заезжая сюда, непременно желал видеть в ней красивое население, поэтому всех некрасивых парней переселял, а девушек выдавал замуж в другие свои многочисленные имения, хорошо обстав-

ляя их материальное положение, и, наоборот, везде в них выбирал красивых парней и девушек и переселял в Диканьку. Насколько это верно, разумеется, сказать не могу; но я такого красивого населения, как в Диканьке, не встречал нигде, а во времена крепостного права и не такие затеи были возможны». (Вообще эта оригинальная «калипедия» была в духе почтенной старины: как Фридрих Великий следил за браками своих рослых красавцев гвардейцев и сам подбирал им жен).

Певец «Полтавы» в свои лицейские годы одно время увлекался дочерью этого Кочубея, Виктора Павловича, Натальей Викторовной, которая была двумя годами моложе поэта и жила тогда в Царском Селе. «Едва ли не она была первым предметом любви Пушкина», — писал один из его товарищей. К ней относится стихотворение «Измены»...

Имя Диканьки и связанные с нею предания могли быть известны Пушкину гораздо раньше, чем началось его знакомство с историческими источниками и вообще с литературной традицией, раньше, чем он побывал на юге.

*«Столица и усадьба»,  
1916, № 66*



Диканька.  
Усадьба кн.  
В. С. Кочубея.  
С акварели  
А. Кунавина